

Фраерок везухи в стиле Эмо

Нина Ленегор

Нина Ленегор

Фраерок везухи в стиле Эмо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20615543
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Иронично-мистический фейк о житейской правде. Слесарь автосервиса Тимофей Резников неожиданно для себя оказывается двойником алмазного короля Глеба Куролесова, баллотирующегося в губернаторы Затюканского края. Не по своей воле Тимофею приходится подменять Глеба в публичной и личной жизни. При абсолютной внешней схожести Тимофей по характеру – полная противоположность Глебу. Размеренный быт доброго семьянина и востребованного автослесаря оборачивается цепью приключений в клоаке чужой гламурной истории. Подмена главных героев привносит забавные сюрпризы и судьбоносные коррективы обеим семьям и даже их животным...

Нина Ленегор

Фраерок везухи в стиле Эмо

Свесив лапу с подоконника, обняв полосатым хвостом керамический горшок с орхидеей, которую мама величала не иначе как «пафиопедилум сукхакула», Обормот беззаботно мурчал о чём-то своём кошачьем. Рита забросила подальше в письменный стол учебники, с планшетом забравшись на диван, подбирала наряды и макияж виртуальным барышням. Суперово! Родоки на все выходные уехали загород с приятелями. А то била бы по ушам истерия спортивных комментаторов из папиного ноутбука, папа прыгал и кричал, что потерпевший. Мама по телефону с сотрудницей Таей в сотый раз обсуждала бы коллегу, против которой они вдвоём дружили. «Как тебе Ларкина новая кофтейка-разлетайка? Во-во, небось, на рыночной распродаже у китайцев за сотку выторговала! Туфли видела? Дерматин, и цвет серо-буро-малиновый! Что? Её собачка куражная? Даже слышать не хочу! Никакая она не померанский шпиц, а помесь морской свинки с ёжиком! Говорит, муж в отпуске, уехал с друзьями на Байкал? Какая там рыбалка? За бабами он охотится на тёплом побережье! Оно и понятно, от такой зануды, как Ларка, любой мужик сбежит не то, что на Байкал, сам утопится в

Бермудском треугольнике!»).

Зажужжала, закружилась по бежевому велюру дивана мобилка. Денька! Рита радостно схватила телефон, но на экране высветилась «мама».

– Привет, ребёнок! Как дела? – Всё также... И сколько просить, не называй меня «ребёнок»! Я взрослая уже! – включила хандру Рита.

– Хорошо, взрослый ребёнок! Надеюсь, ты не в куколки играешься, а готовишься к вступительным экзаменам? – Надеяться не вредно... – Как-то ты всё холодком! А расслабляться некогда, через месяц вступительные экзамены! Это тебе не халам-балам, а юридический вуз! А не желает Рита ни в адвокаты, ни в прокуроры, ни в сыщики, ни в какие другие жандармы! Выучится она только на ветеринарного доктора – без вариантов! Будет лечить собачек, кошечек, птичек, хомячков, черепашек. Но родоки её засмеяли – не престижно, не модно. По барабану им, что с пятого класса Рита роется в энциклопедиях, штудирует атласы животных и каждые выходные бегают помогать в соседнюю ветеринарную клинику, где её прозвали «Айбо-Рита».

– На диван с ногами не залазь! Кота гони с подоконника, а то ненароком свалит мою «пафиопедилум сукхакула»! – раздавала указания мама.

– Мамуль, не «трой»! У нас с Обормотом всё «пучком»! – Язык не поворачивается такого красавчика Обормотом называть... – Потому что не «симпосибл» быть красивым та-

ким... Хоть кличкой кота подпортить, сделать мужественней!

– Ладно, твоя животина – обзывай хоть «горшком»! Но эти «трои», «пучком», «симпосибл» и прочие издевательства над русским языком... Ещё раз услышу... – Ну, да, это ж не «пафиопедилум сукхакула»...

– Короче, лучше не зли меня...

– И что мне будет? В угол поставишь, коленями на горох? – хохотнула Рита.

В этот раз мамина фантазия споткнулась на очередной акции промывания мозгов, дежурные нравоучения не успели развернуться в бесконечность нудного рэпа. Кстати, музон... Рита одела наушники и улетела в мир модных рок-групп. Но что-то вдруг стало мешать, отвлекать – она сняла наушники. Обормот странный, глаза горят, напыжился, шерсть дыбом, как после стирки без антистатика. Во дворе Батон лает, разрывается. Рита вышла из дома – никого, за калитку выглянула – тоже никого. Пёс немного успокоился, виновато хвостом виляет. Рита вернулась в дом, одела наушники, но снова как-то не по себе, музыка мимо ушей в никуда улетает. Она приоткрыла глаза, и на тебе – минорный стоп-кадр! Посреди комнаты незнакомый мужик, похожий на жэковского сантехника! Сдёрнув наушники, Рита испуганно спрыгнула с дивана.

– Вы... кто... откуда?

– А чё это входная дверь не закрыта? – хриплый недобрый

ГОЛОС.

Привычные благородные ароматы цитрусового фрэша и свежемолотого кофе родного жилья пробил чужой крепкий запах пота, перегара и дешёвых папирос.

– Как вы в дом вошли? Без разрешения...

– Я звонил, звонил... Потом толкнул калитку, она и открылась! – А Батон, как вас пропустил?

– Батон? Кто такой Батон? – Пёс наш, породы кане корсо... – А..., кобелёк, который у тебя во дворе. Молоденький ещё, не матёрый. Дурашка... – Не дурашка он! – обиделась Рита.

– Спит твой Батон, храпа даёт... – Спи-и-ит..., храпа даёт? Такого не может быть! Здесь что-то не то! Уходите, не то я сейчас закричу!

– Да, погоди, ты, верещать! Котофея до смерти напугала! Со страху у него и уши отвалились! – На вас у Обормота агрессия! Недобрых людей он за километр чувствует! – А Обормот – кто? – Кот! – То Батон, то Обормот – чудно! Хорош про кота ясновидящего. Ты чё, меня совсем не помнишь? – С чего мне вас помнить, если раньше никогда в глаза не видела? – Семён я, сосед твоей бабушки. Твоя ж бабушка – тоже Маргарита? – Допустим... Что с того? Моя бабушка Маргарита давным-давно померла!

– Я знаю – имя тебе дали в память о бабушке...

– Тоже мне секрет, будто пин-код банковской карточки Сороса выдал! И что теперь, мы – родственники? По-свой-

ски, можно вваливаться к нам домой?

– Пацаном я влюбился в Марго. Лет тринадцать мне было, а ей – чуток больше двадцати. Как-то даже с бельевой верёвки тайком её ночнушку снял, в обнимку спал... Не знаю, догадывалась она или нет, что я по ней сохну... В окна подглядывал, к мужу ревновал, даже убить его задумывал. Неожиданно рано она померла, твою мамку Маринку совсем маленькую сиротой оставила. Давно это было, на могилку к Марго я цветочки до сих пор ношу.

– Ах, как мило – «мыло» Болливуда! Слёзы-сопли индийского кино! – Бесчувственная ты какая-то... Вот скажи, тебе сейчас сколько годков? – Сто одиннадцать! Разве не заметно?

– Не спеши, девочка, стариться, успеешь! Поди, лет шестнадцать – семнадцать! – А хоть сколько, тебе-то какое дело? – фыркнула Рита.

– Сильно ты похожа на ту Маргариту, хотя поганишь себя черными мазилками вокруг глаз, губы, ногти. Вместо бровей, металлолома натыкала... В ноздрях заклёпки... – Не заклёпки, а персинг! Бе-е-е... – не поспешила на негатив Рита.

– Мать моя женщина! И на языке головка булавки... А если ненароком проглотишь? – ахнул Семён.

– Yes! – будто стоп-кран дёрнула Рита.

– Всё равно, ты мне нравишься! – Абзац! Зашквар! Ты, дед, видать, дурку словил! Белка бьёт в голову? Вали отсюда подобру-поздорову! Сейчас родоки вернутся! У меня папа,

знаешь кто? Бывший десантник! Сослуживцы его «Барс» до сих пор называют! Враз голову тебе оторвёт, хребет через колено хрястнет!

– Не вернутся они, уехали на пикничок, водочку попи-
вают, шашлычком закусывают! – Тогда..., тогда я милицию
сейчас вызову! – задрожал голос Риты.

– Та, ну её эту милицию, кому она может помочь? Иди ко
мне, моя куколка, приголублю тебя! – Что-о-о...? Приголу-
бишь...? Только прикоснись ко мне своими грязными лапа-
ми! Не твоя я куколка, урод! Не трогай меня! – взвизгнула
Рита.

Она беспомощно забилась за тумбочку в углу комнаты.
Семён схватил её за локоть, резко потянул к себе. Тумбочка
перекинулась ему на ногу. Семён запрыгал на месте, заши-
пел.

– У, сука... Отбежав, Рита схватила утюг с гладильной
доски – швырнула в непрошеного гостя. Утюг с отпущен-
ным шнуром воздушным змеем пролетел через всю комна-
ту и воткнулся в зеркало, оставив роковую трещину. Рита
бросилась наутёк. Семён догнал, поднял её на руки. Как обе-
зьянка, она цеплялась за лутку двери, шкаф, спинку кровати,
визжала, отбивалась руками, ногами. Но мужик сильный, и
вот уже Рита бессовестно распята на родительской постели, с
неё срывают майку, шорты. Бешено зашипел Обормот, спи-
на горбом, хвост ершом, динамитом рванул с подоконника.
Цветочный горшок с «пафиопедилум сукхакула» грохнулся

на пол и взорвался. Осколки итальянской керамики, комочки земли, веточки нежной орхидеи, поднявшись в воздух, медленно осели на пол. В хищном прыжке Обормот мёртвой хваткой впился когтями в ногу Семёна.

– Откуда ты взялась? С того света, что ли? Не кусайся! Я сказал, не кусай-ся-я! У, зараза! Расцепи зубы-ы! А-а-а-а! Больно-о-о-о! И ты, котяра блохастый, отвяжись! Не царапайся! Убери когтиры! Брысь! Пошёл вон, скотина! – вдруг завопил Семён.

Схватившись за окровавленную щеку, он отпустил Риту и метнулся к входной двери, на ходу отбиваясь от Обормота, без оглядки выскочил из дома.

Ошарашенная Рита поднялась, натянула одежду, убрала волосы с лица. Вместо Семёна, как из тумана, девушка со знакомыми чертами лица. Чинно обтирает уста батистовым носовым платочком с кружевной окантовкой.

– Я прокусила Семёну щеку, вот он тебя и отпустил. Сбежал... – голос смирный, монотонный, будто вода журчит из поломанного крана.

– Так, значит, это ты того гада укусила? – изумилась Рита.

– Да, я щеку прокусила Семёну, а котик ему ногу искромсал. Не волнуйся, дорогу сюда Семён теперь навсегда забудет.

– А ты кто? Откуда взялась?

– Маргарита я..., бабушка твоя...

– Ба-бабушка? Маргарита? Та самая, которая давным-дав-

но померла? Хочешь сказать, ты – привидение? – ошарашилась Рита.

– Да, привидение. Не просто привидение. Я – Справедливое Привидение. – Ха-ха-ха... Справедливое Привидение... Один восторг и два изумления... Стихийный Хэллоуин... То престарелый секс маньяк приبلудился, то девушка – родная бабушка... Так я и поверила... По ходу, ты с того света, и я сейчас должна уписываться от ужаса... – невесело хохотнула Рита.

– Не надо уписываться от ужаса, не для того я здесь, чтобы тебя пугать...

– А для чего? – Чтобы спасти...

– Немой рассказал глухому, как слепой видел, что безногий по воде бегал... – Язык у тебя хорошо подвешен. Не веришь мне...

– Какой лох поверит в этот трэш? Для убедительности в такое дурацкое платье, туфли вырядилась? А причёска..., бусы..., губы сиреневые... Полный отстой! – криво усмехнулась Рита.

– Так меня в гроб надели... – В гроб тебя надели? Капец... – ахнула Рита.

– Да в гроб. Надели самое лучшее. Дефицитное. Бусы – чешского бисера, с переплатой доставали в ювелирном магазине. Туфли – югославские, по талонам от дворца бракосочетания покупали в магазине «Счастье» ещё к моей свадьбе с Фёдором, дедушкой твоим. Платье – кримпленовое, рас-

цветочка модная – синенькая в белый горошек. Ткань в универмаге в продажу выбросили, мама полдня в очереди простояла. Сшила я его сама, выкройка осталась со школьных уроков домоводства. И батистовый платочек я сама кружевами обвязала, в углу свои инициалы «М. С.» нитками мулине «гладю» вышила. Его мне в рукав платья в гроб положили. – «Крестиком», значит, вышиваешь! Всё понятно, в спецшколе для недоумков училась! – Почему для недоумков? Как все, в общеобразовательной школе училась – И что ты хочешь сказать, в общеобразовательной школе вас учили шить, вязать, вышивать? – ухмыльнулась Рита.

– Да. На уроках труда. Сначала основательно изучали напильники драчевые, бархатные, треугольные, полукруглые... А потом скоренько кулинарию и рукоделие... – Опять гонишь! Напильники для чего? – фыркнула Рита.

– Никто не знал для чего... Но в нарукавники рядились, деталь в тиски вкручивали, и давай пилить... Наверное, в пролетарии всех поголовно готовили. – Типа «пролетарии всех стран соединяйтесь»? – Вот именно... – Отстойная реклама...

– Полвека назад вместо рекламы лозунги были. «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» – самый раскрученный лозунг, как сейчас рекламы водки. А, чем тебе моя причёска не нравится? Весёленькая – «каскад» называется. Ты-то, зачем так выкрасилась? Полголовы зелёная, полголовы – цвета смолы? Красота должна быть натуральной. Волосы торчат,

что перья драной вороны. Сделала бы себе аккуратненькую стрижку, думаю, «гарсон» или «гаврош» к лицу тебе будет. А что с твоими бровями, где они? – Хосспаде! Ещё одна к моим бровям привязалась! Отстань! Нет у меня бровей! – огрызнулась Рита.

– Ума не приложу, сбрила что ли? Брови – самая красота для девушки. Вместо бровей, рыболовных крючков понатыкала. Черноты наваксила на глаза, ногти... К земле спешишь клониться?

– Причём здесь земля? Мода такая – Эмо называется! – Странная какая-то твоя мода, можно даже сказать безобразная... – Отвяжись, всё у меня фэншуйно! – Фен... что? – Фэншуйно! Красиво и по уму, значит...

– Наоборот, совсем некрасиво и, скорее, по дури. Ладно, не будем драматизировать, повзрослеешь, всякое Эмо само собой уйдёт – Так, стоп! Сеанс мракобесия сворачиваем! Давай колись, кто тебя надоумил на весь этот бред? Гроб, кримплен дефицитный, выкройки с домоводства, «гарсон», напильники дурачливые, мулине «крестиком»... – Не дурачливые напильники – драчевые. Мулине не «крестиком», а «гладью». Никто меня не надоумил, я сама. Ты ж внучка моя единственная, в честь меня названная.

– И к бабке не ходи, мой Денис всё придумал! Потешается над моим Эмо! Он ещё тот сложноприколист! – К какой бабке не ходить? У тебя две бабушки – я и твоего папы мама Римма Александровна. Она сейчас далеко – в Израиле, при-

ательницу полетела проведать. Там на рекламу «купилась», в Мёртвом море живую воду ищет. Остеохондроз, радикулит, подагру одним махом надеется вылечить – Ты и бабушку Римму знаешь? – А как же, мне всё про всех ведомо. А Денис тут не при чём. И не твой он, у него рыженькая Лёля в зазнобах.

– Что-о-о? Лёлька? – Да, его девушку Лёля зовут – Та мыша губатая с ржавыми волосами? Никогда не поверю! Опять гонишь, пургу несёшь! – задрожал голос Риты.

– Фома неверующая... Могу доказать, видео приставка имеется? – Видео приставкой сейчас редко пользуемся. В планшете покажи! – Планшетник я не знаю – Планшет, а не планшетник! – усмехнулась Рита.

– Вот именно, не знаю, а видео запущу. Правда, чуток подзабыла...

Засветился телевизор. Несколько неуверенных щелчков, и на экране Денис жарко целуется с рыжеволосой Лёлей на лавочке в парке, в подъезде. Потом интим по полной программе на квартире Дениса.

– Бред! Подстава всё, дешёвый цирк! Спам на мою голову... – закрыла лицо руками Рита.

– А если я цветочек оживлю, горшочек склею, зеркало обновлю, тумбочку на место верну, поверишь? – Зеркало я разбила – примета плохая. За «пафиопедилум сукхакула» мама, вообще, убьёт. Как теперь всё исправить? Невозможно это... – захныкала Рита.

– Для меня возможно, смотри... Справедливое Привидение взмахнула рукой. И опа! На зеркале ни царапинки, блестит, как новенькое. Осколки керамики сами по себе приподнялись, по-деловому, как пазлы, сложились. Земля утрамбовалась в горшок, веточки орхидеи срослись, выпрямились. «Пафиопедилум сукхакула», как ни в чём, ни бывало, на подоконнике стоит, к свету тянется. Затанцевали в паре веник с совком, хватко собрали мусор с пола. Зажужжал пылесос, закружился по ковру. Тумбочка на место стала, дверки закрылись.

– И тебе, внучка, работа найдётся. Утюг подними, целый, не разбился. Постель перевёрнута, некрасиво, заправь. У двери кровавый след Семён оставил, смыть надо. – Ессно! – недовольно скривилась Рита.

– А так порядочек. Не забудь цветочек полить, после стресса пить хочет. Вода, что б ни холодная, а то орхидейка простудится.

– Узбагойся..., раскомандовалась. Сама знаю... – фыркнула Рита.

– А чего ты так говоришь «Хосспаде», «ессно», «узбагойся»? Пол алфавита, что ли не выговариваешь? Куда ж твои родители смотрят? К логопеду следует обратиться, пока не поздно – Ой, заколебала ты меня! Всё я выговариваю! Слушай:

«В недрах тундры

Выдры в гетрах
Тырят в вёдра
Ядра кедров!»

«Хосспаде», «ессно», «узбагойся» – сленг по молодёжке. Поняла? – Сленг? По молодёжке? Поняла...

– Лучше скажи, где мой Обормот, слабо его найти?

– Тут он, в стрессе ещё, забился под книжный шкаф. Сам вылезет, когда я уйду, сейчас не хочу его смущать. Котик славный, мордочка кругленькая, глазастенький. Шерсть плюшевая и полоски, будто кисточкой нарисованы. Не пойму только, где его уши? Калеченный он, что ли? – Сама ты калеченная! А мой котик не калеченный, а элитный, породы «скотиш фолд»! У него ушки в три залама прижаты к голове. Вислоухий он! – оскорбилась за любимого кота Рита.

– Вислоухий? А, чего уши у него завалились, в трубочку скрутились? Кальция не хватает? А так кот холёный, справный. Детки, наверное, от него красивенькие получаются – Какие детки? Кастрированный он... – Что это значит? Яички «чик-чик»? – ужаснулось Справедливое Привидение.

– Вот именно, «чик-чик»! Прежние хозяева его евнухом сделали. Боялись, повзрослеет – мебель, ковры метить начнёт. Так он им отомстил – в сковородку нагадил!

– Кот в сковородку нагадил? Ну, это уже никуда не годится! – Видела бы ты тех хозяев – «мажоров»..., сама бы им в чайник написала! Принесли котика в ветеринарку усып-

лять. Худой, облезлый из-за авитаминоза. А они своё. «Лишай! Долго и дорого лечить! Пока вылечим – нас заразит! Морочиться не будем! Усыпьте – наш кот, наша собственность, что хотим, то и воротим!». Всей ветеринаркой «мажоров» ели уговорили котика мне отдать. Ещё и деньги немалые «мажоры» с меня содрали! – Помнит добро твой Обормотик. Благодарный, преданный тебе. Защитник... – Прикинь, кличка у него была Боня... Что зря... – Боня? Помому, неплохо звучит... – Куда не плюнь – везде Боня, что собачка, что кошечка. Пола неопределённого – ни мальчик, ни девочка! Я его в Обормота переименовала. Сразу котом себя почувствовал. Красавчик! Драйвово, когда кот здоровенный, что медведь, а диванная собачка малюсенькая, что блоха! Заработаю денег – куплю себе щенка чихуахуа. Шоколадного окраса. Девочку. Эту мелюзгу по приколу назову Муха!

– А кот не съест эту собачку? Подумает – мушка или мышка...

– Не подумает, не съест! Обормот у меня умница, разбирается, что к чему! А вот ты не рубишь в моде – ни на котов, ни на одежду, ни на причёски! За горшок и «пафиопедилум сукхакула», конечно, спасибо... – «Пофиго... сукха...»..., ой, язык сломаешь. Господи прости, ругня какая-то получается. Тоже по «молодёжке»? – По научному! «Пафиопедилум сукхакула» – название орхидеи. Спасибо, что оживила цветочек, не то моего Обормота мама на улицу выбросит!

– Не выбросит... Покричит, покричит, но не выбросит... Дочка у меня вспылчивая, но отходчивая... Сердце у неё доброе... И потом, не до кота теперь Маринке будет... – Дочка... Маме сорок, тебе где-то под тридцатник. Не логично...

– Земной судьбы мне было отмеряно двадцать восемь лет. – А чего ты померла так рано?

– Час мой пришёл... – А я знаю, мама рассказывала. Маленькая она была, утром ты её блинчиками кормила. Открыла холодильник сметану достать, другой рукой за батарею взялась – и тут тебя током мгновенно убило! Мама тогда очень испугалась! Хорошо в счётчике пробки сработали, электричество отключилось, а то и маму убило бы. Ползала она по тебе, плакала, кричала. Очень она тебя просила, чтобы ты ожила... Но ты не ожила... На шум прибежал муж твой, дедушка Фёдор. Вызвал скорую помощь – приехали, констатировали смерть. Грешили на соседей, будто электричество воровали, на батарею отматывали. Уголовное дело открыли, но ничего не доказали...

– Я ж сказала, час мой пришёл – смерть причину нашла...

– Как же ты кого спасёшь, если, по-твоему, судьбой всё предreshено? – Желаящего судьба ведёт, а нежелающего тащит... От насилия, травм, позора, глупой выходки, которые иногда хуже смерти, убережь смогу – А любить заставить можешь...? – загорелись надеждой глаза Риты.

– Вот это нет, невозможно. Никакие привороты, никакие заклинанья, никакие присухи, никакое зелье не в силах за-

ставить любить. Любовь она независима, сама рождается, сама умирает...

– А ты знала, что этот Семён был влюблён в тебя? – Конечно, знала. Любая женщина чувствует любовь. – А как это – почувствовать любовь? – Как объяснить... Во-первых, глаза... У влюблённых в глазах свет, тепло, солнце... И про ночнушку я догадывалась – с верёвки Семён унёс, в обнимку с ней спал. А муж мой Фёдор любить не умел, только прикидывался. Влюбляться легко, любить трудно... Потому после меня мой муженёк и года не дождался, женился на своей однокласснице Галке. За это на Фёдора я не в обиде. Живому – живое. Не могу простить, что Галка над Маринкой измылась, и Фёдор ей потакал. Вместо того чтобы дочку от махехи защищать, он в интернат её спровадил. А Семён после моей смерти много баб поимел, но любовь так и не встретил. Пьянки – гулянки. Ни семьи, ни детей. Потому у него душу пылью присыпало, глаза туманом затянуло. На этом свете ему осталось два месяца. Чувствует он, вот и беснуется.

– Так ему, гаду вонючему, и надо! – выкрикнула Рита. Она призадумалась.

– Говоришь, этому Семёну два месяца осталось... А что с ним случится? – Пойдёт в поликлинику зуб мудрости удалять. Для храбрости водки слегка дёрнет. Врач по халатности не проверит восприимчивость пациента на новокаин, сделает обезболивающий укол и выйдет из кабинета по мобилке поговорить. Заболтается. Вернётся, а сердце Семёна

уже остановилось... С реанимацией опоздают... – Жесть! Я никак не решусь зуб запломбировать, теперь вообще тормоз! Вдруг тоже на стоматолога – пофигиста нарвусь? – Не нарвёшься. С зубом не тяни, а то вместо пломбы удалять придётся. – А теперь скажи, сколько мне жизни отмеряно? Как я помру? А мама, папа? Бабушка Римма? Обормот, Батон? – закидала вопросами Рита.

– Насчёт собачки – твой Батон сейчас крепко спит. Семён снотворным его накормил. Не волнуйся, пёсик оклёмается, всё будет хорошо. А про судьбу не спрашивай, ни к чему наперёд знать...

– Признайся – всё ты нафантазировала! Ничего тебе неведомо! – разочарованно хмыкнула Рита.

– Знаю, но не скажу. И вам не надо в судьбу заглядывать, не то вся жизнь под страхом ожидания, в календаре зарубки делать будете. Меня накажут, больше не позволят вам помогать...

– А вот здесь поподробнее – кто тебя накажет? Очень интересно – расскажи! – подпрыгнула от любопытства Рита.

– Об этом, внучка, даже не заикайся... Не положено. – Так, придумала... Стратегия – точка – есть. Действуй! Для начала такие вот два простеньких задания. Задание номер один – Дениса предателя кастрировать, как блудливого кота! Задание номер два – Лёльку остричь под нулёвку, противные ржавые патлы сжечь! И чтобы волосы у неё никогда больше не росли, голова лысая, как колесо, осталась! – Не бери грех

на душу – не желай беды ближнему!

– Я сказала: изуродуй эту сладкую парочку! Иначе я себе харакири сделаю! – вдруг зарыдала Рита.

– Ты мне истерики не закатывай. Я здесь, чтобы спасти, а не калечить. В любви тебе Денис не клялся, за ручку подержался, поцеловал разок и забыл. И ты его забудь, на нём свет клином не сошёлся. Девчонка эта Лёля перед тобой тоже ни в чём не виновна. Для них обоих это баловство, время сейчас такое – спешат опыта в сексе набраться. Принц твой появится, познаешь любовь настоящую. – «Принц», «любовь настоящая»... Не верю! И вообще, никто тогда мне не нужен! Решено – я уйду в монастырь!

– Ой, милая..., на твоём жизненном пути таких Денисов столько ещё будет... Из-за каждого голову терять, жизнь себе калечить? Твоим капризам потакать я не собираюсь. Я тебе не мать, которой ты привыкла коники выкидывать. Мало Маринка от мачехи натерпелась? Теперь ты ей душу мотаешь. Ничего ты себе плохого не сделаешь. Любишь себя. Оно и правильно.

– Тогда уходи! Для чего ты здесь? Котов пугать? – выкрикнула Рита.

– Отвыкай на старших голос повышать. По-любому, сейчас я уйду, скоро Маринка приедет. Рано ещё нам с ней встречаться. И мне уже пора на тот свет возвращаться.

– А вот и не угадала! Родоки вернутся только послезавтра! – прицокнула языком Рита.

– Повторяю, этой ночью Маринка явится. Тимофей исчез... Незадача с ним.

– «Исчез»... «Незадача»... «На тот свет возвращаться»... Для пущей важности страшилок накидала?

– Вот что я скажу тебе, Рита, – внучка ты неблагодарная... К сожалению...

Маргарита горько вздохнула и растворилась.

Из-под книжного шкафа настороженно вылез Обормот, принялся недоверчиво обнюхивать дом. Рита кота позвала, на руки взяла, погладила. А он неожиданно зашипел.

– Ах, ты, обормотина жирный! Уродец безухий! – обиделась Рита.

Обормот ударил лапой, убежал.

– Забыл, кто тебя от смерти спас, у «мажоров» выкупил? Хорошо, бабушка Римма – добрая душа, деньгами выручила, об этом папа и мама до сих пор не знают! Вот что я скажу тебе, Обормот, – кот ты неблагодарный! К сожалению...

Кот невозмутимо запрыгнул на подоконник и принялся старательно умываться.

– Не умывайся – не зови гостей! Видеть никого не желаю! – прикрикнула Рита.

Она набрала воды, слегка подогрела, бережно полила орхидею. Тумбочку прямее поставила, ящик и дверку плотнее закрыла. Сняла мятое покрывало с кровати, струсив на крыльце, аккуратно застелила. Утюг подняла, на место поставила. Зеркало проверила – гладенькое, а то девчонки

говорят «разбитое зеркало – разбитая любовь». Брезгливо скривившись, Рита влажной тряпкой вытерла кровавый след у двери, тряпку выбросила в мусорный бак, вымыла руки. Вышла во двор. Возле калитки, вытянув лапы, будто в коме, лежал Батон. Рита нагнулась, прислушалась – дыхание ровное, нос холодный, но суховат. Вернулась в дом, в кладовке нашла коврик и плед, оставшиеся после Амура. Батону под голову коврик положила, пледом укрыла.

Ближе к ночи послышался радостный лай Батона, резко отворилась входная дверь. Марина – чернее тучи, втащила дорожные сумки. Оборот мгновения слинял с подоконника, как порядочный, улёгся в кошачий диванчик на полу. Марина напрямик к подоконнику проверить, цела ли её «пафиопедилум сукхакула». Первый признак плохого мамино настроения.

– Что это с Батоном? Встретил, но какой-то не такой! Вялый, что сонная муха. И чего это Амура коврик и плед на земле валяются? Случаем Батон не заболел? – заговорила Марина.

– Не заболел, с ним всё нормально... А папа где? – всполошилась Рита.

– Не знаю, где твой папа! – истерично выкрикнула Марина.

– Как не знаешь? Разве вы не вместе были?

– В том то и дело, вроде, всё ладком. Вечером всей компанией хорошо посидели под шашлычок и коньячок. Шутили,

анекдоты рассказывали – всё как положено. Тимофей на гитаре играл, пел, мы подпевали. Утром тремя машинами выехали в лес, играли в теннис, волейбол. Рыбы наловили, развели костёр, уху «по-царски» сварили. Обедать – а Тимофея нет! Обыскались, но не нашли, не дозволись! – Мама, почему ты злишься? – Радоваться нечему! Не сам он исчез, вместе с Ольгой! Как я раньше ничего не замечала? Муж Ольги психанул, я тоже за сумки и домой! – Может, с папой, что случилось!

– Не доставай меня! «Случилось»! Кобелина шелудивый – нагуляется, похоть свою насытит и объявится! Никогда не прощу! Завтра ж на развод подаю!

«Чумачеччая, чумачеччая весна пришла...» – шепеляво возликовала Маринина мобилка.

– Да-а-а? Ольга звонила? Говорит, заблудилась в лесу, была одна. Потом рассорилась с мужем, уехала к родителям... Знаете что? Так я в этот лохотрон и поверила! Не надо дуру из меня делать!

Марина отбросила мобилку.

– Мама, послушай! Может, папу спасти надо? – заплакала Рита.

– Не каркай! С чего ты взяла? – Бабушка приходила...

– Не ври! Бабушка Римма далеко, в Израиле! – Другая бабушка – Маргарита. С того света явилась...

– Рита, дочечка, что ты несёшь? – ужаснулась Марина.

– Я правду говорю! Бабушка Маргарита приходила!

Недавно... – Бабушка Маргарита – мама моя...?

– Вот именно, твоя мама, с того света явилась! Сказала, папа исчез! И ещё слово такое... А, «незадача»! Незадача с папой!

– А где ж она сейчас? – Сказала, ей пора на тот свет возвращаться... – Ну, да, на электричку опаздывала! Не фантазируй! Не морочь себе и мне голову! И так тошно! Моя мама уже лет тридцать в могиле! От твоего «Эмо» ты совсем с катушек съехала!

Хлопнув дверью, Марина закрылась у себя в спальне. Присев на кровать, из верхнего ящика тумбочки она достала заветную фотографию. На снимке молодая смеющаяся мама и маленькая счастливая Маринка держат на руках рыженького пушистого щенка. Марина погладила рукой фотографию, прижала к груди, по-детски жалобно заплакала.

... Темно. Где это я? Похоже, чердак какого-то старого дома. Крыша дырявая, небо просматривается, звёзды. Хорошо хоть дождя нет, и так сыро. Спать хочется – умираю... А не уснуть – холодно. Лежу на гнилой соломе, рваное одеяло, старая фуфайка, недолго и задубеть. Коровьим помётом воняет... По углам шуршат, наверное, мыши..., лучше уж полевые, чем летучие. Внизу собака лает – чужая, не Батон. Голова болит... – капец! Тимофеем ощупал лицо, затылок, шею. Вроде всё цело. Пора бы в туалет, а то, как бы не опозориться... Опять же, пить, есть хочется, желудок сам собой начал закусывать. Сколько я здесь? Который час? А, где мой те-

лефон? Тимофей проверил карманы, пошуршал вокруг себя рукой. Ни телефона, ни водительского удостоверения, ни бумажника, ни ключей. Попытался встать, но ноги свинцовые, не поднять. Чертовщина какая-то! Может, всё снится? Да, нет, вживую.

Маринка, небось, обыскалась. Она ж – дурёха, мнительная, напридумывает всякие глупости, заревнует обязательно. Дочка напугается, в слёзы. Мама из Израиля позвонит, тоже в панику, сердце у неё и так никудышнее. На работе – завал! Клиенты директора с дерьмом сожрут. А, может, оно и к лучшему? Пусть жрут! Больше ценить будет, зарплату, наконец, добавит! Всё-таки, как я сюда попал...? Решил пройтись по сосновому молодняку – Маринка любит маслят, прижаренных на решётке. По пути нашёл толстенького боро-вичка – обрадовался, значит, пара-тройка ещё где-то побли-зости. В грибном азарте закрутился, потерял направление. Внедорожник с номерами соседней области на поляну выру-лил... Какие-то незнакомые мужики – на лесников, охотни-ков, рыбаков непохожие... Дальше... чёрная дыра, квадрат Малевича, провал в памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.